

Анализ**ЕВРОПА И ПЛАНЫ США В ОБЛАСТИ НПРО:
ПОЧТИ НЕРАЗРЕШИМАЯ ДИЛЕММА****Харальд Мюллер**

В данной статье анализируются три типа аргументации, отражающие основные позиции по проблеме противоракетной обороны (ПРО). Рассматриваются также политические последствия каждого из трех вариантов. Затем дается оценка политической дискуссии по данному вопросу, которая ведется в Западной Европе. Наконец, в заключение делается вывод о том, что дилемма, с которой пришлось столкнуться Европе в свете планов национальной ПРО (НПРО), носит принципиальный характер и вряд ли легко разрешима.

Три основных позиции по проблеме ПРО

Существуют три базовых подхода к проблеме ПРО:

- основные принципы той модели отношений, которая существовала в годы *холодной войны*, остались неизменными, поэтому необходимо обсуждать вопросы ПРО в том же ключе, как и до 1989 года;
- *холодная война* закончилась, ситуация изменилась коренным образом, необходимо проанализировать возможности использования ПРО для перехода к безъядерному миру;
- *холодная война* закончилась, ситуация изменилась коренным образом, ПРО необходима в качестве дополнения к традиционным средствам ядерного сдерживания и должна рассматриваться в качестве элемента национальной (коалиционной) политики в области безопасности.

Все три подхода нашли свое отражение в современной глобальной дискуссии по проблеме ПРО. В пользу первой позиции высказываются Россия, Китай, большинство стран Западной Европы и членов Движения неприсоединения; у нее есть и стойкие сторонники среди тех, кто занимается вопросами контроля над вооружениями в США. Второй подход также разделяют в США и в незначительной части государств Западной Европы. Третий тип аргументации превалирует в дискуссии, которая идет в США, и имеет небольшую поддержку со стороны западноевропейских политических стратегов и оборонных ведомств.

Холодная война закончилась, но стратегическая ситуация частично осталась неизменной

Было бы неправильно воспринимать первую из трех концепций, как нежелание замечать те изменения, которые произошли после окончания конфликта между Востоком и Западом. Напротив, признается и всячески приветствуется увеличение числа институтов, занимающихся вопросами сотрудничества в области безопасности, как на европейском, так и на глобальном уровне. Также отмечаются и изменения в оценке проблем безопасности, в частности наблюдается переход от парадигмы *угроз* к парадигме *рисков*. Сегодня рассуждают не о возможности намеренного военного давления, угрозы силой или собственно нападения, а о выявлении сфер, где события могут развиваться нежелательным образом и где нарушение стабильности может привести к возникновению в будущем новых угроз. Сторонники этого подхода, таким образом, поддерживают линию на максимальное использование возможностей укрепления сотрудничества в области безопасности и соответствующих институтов, а также создания новых механизмов там, где их еще нет.

Тем не менее, те, кто разделяют вышеозначенную точку зрения, не преминут подчеркнуть, что отношения между основными державами, включая ядерные государства, далеки от прочной дружбы, хотя и не являются уже враждебными и в целом вполне соответствуют духу сотрудничества. По-прежнему имеет место конфликт интересов и продолжается напряженность. Круг спорных вопросов охватывает разногласия по поводу урегулирования конфликта на Балканах и соперничество при освоении нефтяных ресурсов Кавказа и Средней Азии, территориальные претензии в Южно-Китайском море и проблему Тайваня, а также общую дискуссию о том, какая система отношений должна преобладать в Азии. Отсюда и восприятие потенциальных конфликтов. Военная мощь других государств рассматривается как потенциальная, хотя и не обязательно четкая и реалистичная, угроза.

В этих условиях, очевидно, что остаточный элемент ядерного сдерживания до сих пор преобладает в отношениях в сфере безопасности, сложившихся между этими странами, особенно между США, Россией и Китаем. Этот элемент уже не доминирует над ними в той мере, в какой это было характерно для времен *холодной войны*. Они стали более диверсифицированными, сложными и кооперационными. Но фактор сдерживания еще до конца не исключен из этих отношений, и он важен для России и Китая при оценке ими интересов национальной безопасности, учитывая явное преимущество США в области военных технологий и обычных вооружений.

В этой специфической ситуации одностороннее или асимметричное развертывание ПРО приведет к сохранению рисков, которых старались избежать две сверхдержавы при заключении договора по ПРО. Опасность эта еще более серьезна, поскольку на смену реальному ли или мнимому балансу, установившемуся в годы *холодной войны*, пришло неоспоримое превосходство одной ядерной державы над другими. В прежние времена НПРО, как считалось, могла вызвать глубокие сомнения у каждой из сторон в адекватности их потенциала сдерживания и привести к рискованным и дестабилизирующим шагам по смене доктрин, стратегий, концепций развертывания и применения ядерного арсенала. В условиях односторонних и асимметричных действий вероятность таких мер, безусловно, возрастает. На переговорах с Россией по поиску приемлемых путей модификации договора по ПРО даже американские дипломаты признали, что сохранение избыточного ядерного арсенала (что будет противоречить обязательствам по Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО)) и высокой боеготовности, а также приверженность концепции ответно-встречного удара (из-за которой ядерные силы будут находиться в нестабильном и опасном положении) помогли бы снизить негативные последствия для российского потенциала сдерживания в случае реализации Вашингтоном сегодняшних планов развертывания НПРО. Соответствующие аргументы применимы и к Китаю. Очевидно, что ситуация будет накаляться по мере развертывания все более плотного противоракетного *зонтика*.

Следуя в русле этих рассуждений, приверженцы первого подхода заявляют о необходимости сохранения договора по ПРО в

его нынешнем виде, то есть настаивают на запрете на развертывание эффективной системы ПРО для защиты всей территории ядерного государства. Сторонники этой концепции допускают возможность модификации договора при условии, что обе стороны будут согласны с изменениями и получат негласное одобрение тех стран, которые не являются участниками договора (главным образом, Китая). Другими словами, целью внесения поправок в договор должна стать не адаптация его к односторонним планам какого-либо государства, а поддержание и укрепление согласованной совместной системы безопасности, в которой учитывались бы интересы всех основных ее членов. Сомнительно, что такая система сможет возникнуть в обозримом будущем. США планируют развернуть НПРО в три этапа. Система, полученная в результате реализации первых двух этапов, не будет представлять серьезной угрозы для России, но будет опасна для китайского потенциала сдерживания в случае неблагоприятного развития обстановки (например, нанесение неожиданного первого удара). После выполнения третьей фазы НПРО получат значительные боевые возможности, которые могут показаться опасными для российских стратегов при составлении их наиболее пессимистических планов. Республиканцы заявили о своей священной цели – двигаться в направлении создания гораздо более мощной и эффективной системы, – и это вызвало озабоченность Москвы и Пекина. Согласись они сегодня с какими-либо поправками к договору по ПРО, которые ликвидировали бы его главную цель – запрещение всех видов НПРО (мощных ли или ограниченных), завтра, как они считают, США имели бы возможность заложить основы инфраструктуры для дальнейшего сравнительно быстрого развертывания системы, столь привлекательной для республиканцев. Поскольку в этих условиях невозможно достичь компромисса по модификации договора по ПРО, сторонники первого подхода предпочитают оставить все, как есть.

Управляемый переход к безъядерному миру с доминированием оборонительных вооружений

Пытаясь закамouflировать необходимость развертывания ПРО в *белые одежды*, некоторые эксперты предлагают начать согласованный и тщательно спланированный переход к глобальной системе безопасности, основанной на оборонительных вооружениях. Это должно создать благоприятные условия

для значительного сокращения наступательных вооружений и в конечном счете проложить дорогу к полному ядерному разоружению. Поправки к договору по ПРО рассматриваются в качестве первых шагов в этом направлении.

Исходной посылкой здесь служит понимание необратимости процесса развертывания ПРО, учитывая доминирующие в США настроения. Понимая, какую опасность несет с собой этот процесс (об этом уже говорилось выше), специалисты в области контроля над вооружениями предлагают стратегию, которая позволила бы сгладить последствия таких шагов США путем придания процессу многостороннего характера и посредством поощрения сотрудничества. Переход к новой системе отношений должен быть совершен совместными усилиями. Партнеры должны стремиться создавать свои собственные оборонительные системы, и чтобы помочь этому, нужен обмен имеющимися технологиями, необходимо начало совместных НИОКР. Результатом должно стать развертывание глобальной системы защиты для всех государств.

Будучи защищенными надежной системой обороны, страны мира легко избавятся от страха перед ядерным нападением. Не будет больше опасений по поводу несанкционированных запусков или неожиданных нападений со стороны государств-изгоев. Следовательно, лишится смысла и ядерное сдерживание. Ядерное оружие станет ненужным (давняя мечта Рональда Рейгана), а это позволит радикально сократить ядерные арсеналы, чему сегодня настойчиво сопротивляется военное руководство. Оборона заменит сдерживание; в безъядерном мире исчезнет необходимость использования угрозы сдерживания, чтобы предотвратить нарушение какого-либо разоруженческого договора; станет возможным полное ядерное разоружение.

Этот оптимистический сценарий выглядит довольно правдоподобно. Если ведущие державы смогут его придерживаться, это в состоянии улучшить перспективы процесса ядерного разоружения и опровергнуть один из контраргументов, говорящий о том, что по соображениям безопасности такая цель не может быть достигнута. Тем не менее, вышеизложенная концепция строится на трех по-настоящему смелых предположениях.

Во-первых, учитывая технологическое и финансовое превосходство США, Вашингтону придется делиться передовыми технологиями с теми странами, которые американская военная элита по-прежнему считает противниками или потенциальными врагами. В последние годы США все меньше склонны передавать чувствительные технологии даже своим союзникам по НАТО. Наиболее яркие приверженцы большого и плотного противоракетного зонтика менее всего способны одобрить подобную передачу технологии. Не более вероятно и убедить Конгресс уступить, поскольку многие законодатели увидели бы в этом недопустимый компромисс по вопросам национальной безопасности.

Во-вторых, должен быть практически сведен к нулю конфликт интересов России, США и Китая. Это означает, что должен быть достигнут консенсус по *балканской* проблеме, по ситуации на Кавказе и в Средней Азии, выработаны общие представления о пределах расширения НАТО, решен вопрос с Тайванем и территориальный спор в Южно-Китайском море. Каждое из этих требований вряд ли может быть выполнено в ближайшем будущем.

В-третьих, нужно найти формулу общего управления глобальной оборонительной системой. Национальные системы в этом не помогут. Они, скорее всего, будут по-прежнему страдать от качественных различий и лишь усилят чувство неполноценности других стран, за исключением США. Общее руководство системой не так уж маловероятно после решения политических вопросов. Можно видеть некоторые первые ростки такого компромисса в соглашении об обмене информацией о запусках ракет, подписанном Россией и США, в желании США помочь в модернизации российских радиолокационных станций (РЛС) раннего предупреждения. Однако для этого необходимо решение сложных политических, правовых, военных и технических проблем, которое потребует длительных переговоров и проверки на практике. Даже если на то будет добрая воля сторон, на такие согласования уйдет слишком много времени, а ситуация не позволяет злоупотреблять терпением ярых сторонников НПРО в стане республиканцев.

Главной проблемой такого подхода является то, что в желании найти точки соприкосновения в концепциях двух государств, фактически игнорируются их

серьезные разночтения по базовым политическим вопросам. Позиция США по НПРО строится, главным образом, на односторонности политики в области безопасности. Для реализации же второго подхода многосторонние действия важны в большей степени, чем в первом случае. В то же время, аргументы приверженцев второй концепции могут быть неправильно истолкованы и расценены как *зеленый свет* для односторонней американской политики в области НПРО. Их доводы могут стать прикрытием для такого курса, который якобы будет направлен на создание совместной системы безопасности. И тогда будет легко винить партнеров, которые якобы не смогли принять американские предложения по наращиванию совместных усилий.

Добрая воля, таким образом, превращается в свою противоположность – искусный инструмент для проведения политики, направленной на уничтожение зачатков совместной безопасности, ставших результатом тяжелой борьбы в течение 30 лет существования режима контроля над вооружениями. Предложения не отражают в должной мере условий, в которых должна строиться их реализация, и поэтому рискуют иметь несколько иные политические последствия, чем ожидают их сторонники.

«Нужно действовать в одиночку» – защита Америки от превратностей непредсказуемого мира

Кое-что о взглядах третьей группы экспертов мы уже сказали выше. Этот подход строится на предположении, что после *холодной войны* система безопасности существенно изменилась. Вместо сохранения баланса угроз против советской *империи зла* – глобального противника США, обладавшего равным или даже большим военным потенциалом, – США необходимо сегодня отражать ряд серьезных угроз в асимметричном конфликте, возникающих из-за распространения оружия массового уничтожения и ракетных технологий, а также благодаря развитию самостоятельных ракетных программ в *государствах, вызывающих озабоченность*. Программы эти продолжают осуществляться, что неизбежно приведет к появлению вооружений, технические характеристики которых позволят им угрожать территории США. Особенно реалистично выглядит эта угроза в случае реализации одного из сценариев. Руководство государства-изгоя может поверить в то, что ядерная угроза территории США может заставить последних

отказаться от защиты их жизненно важных интересов в соответствующем регионе. Такое государство может ввязаться в военную авантюру, пытаясь изменить баланс сил, сложившийся в регионе. НПРО добавит к существующей системе *сдерживания через возмездие* элемент *сдерживания через воспреещение*, поскольку первая схема, по мнению США, может быть недостаточной для предотвращения такого рода авантур, вызванных менее осторожными, хотя и не всегда полностью иррациональными, стратегическими расчетами.

Однако этот сценарий не внушает доверия, если не сказать, что вообще не правдоподобен, даже если на секунду предположить, что в руках таких стран как Северная Корея, Иран, Ирак или Ливия в обозримом будущем (в ближайшие 10–15 лет) окажутся надежные межконтинентальные баллистические ракеты. Учитывая колоссальный потенциал возмездия, которым обладают США, вероятно, что ядерная угроза будет использована лишь для сохранения и обеспечения выживания режима, чье существование может быть поставлено под сомнение. Даже Адольф Гитлер не применил химическое оружие во время второй мировой войны: Германия была почти готова начать химическую атаку против осажденного Ленинграда, но отказалась от этого, когда выяснилось, что воздушный флот союзников покорил небо над Германией. Саддам Хусейн не применил химическое или биологическое оружие против сил антииракской коалиции во время войны в Персидском заливе и предпочел нанести удар по Израилю лишь обычными ракетами. Можно предположить, что ситуация изменилась бы, продолжи коалиция наступление на Багдад. Но США продемонстрировали откровенное нежелание вести войну до победного конца и безоговорочной капитуляции противника, что, впрочем, было характерно для Вашингтона на протяжении всего послевоенного периода. Ни в Корее, ни во Вьетнаме, ни в Персидском заливе, ни в Сомали, ни на Балканах интервенции США не были доведены до конца и не привели к разгрому военно-политического руководства противника. США ограничивались достижением непосредственных военных целей операции (или, как в случае с Сомали, находящемся на периферии их интересов, не достигли и этого результата). Единственным примером интервенций, доведенных до конца, стали операции против государств-карликов в американской зоне влияния (Панама и Гренада). Другими словами, ситуации, когда

понадобится *сдерживание через восприятие*, практически нереальны. Более того, все сомнительные режимы, в особенности в последние годы Северная Корея, показали значительную степень стратегического здравого смысла. Их выступления порой кажутся странными, их тактика на переговорах отличается от общепринятой. Но такое поведение нельзя назвать иррациональным, и они, безусловно, восприимчивы к угрозам сдерживания, исходящим от противника, чей военный потенциал намного превосходит их собственный.

По дебатам, развернувшимся в США, понятно, что часть наиболее ярых сторонников НПРО скорее рассматривают Китай, чем государства-изгои в качестве стратегической мишени для НПРО. В долгосрочной перспективе предвидится глобальное соперничество между Китаем и США, а НПРО считается удачно подвернувшимся козырем для будущей игры. Поскольку эта позиция высказывается в ходе дискуссии в США, понятно, что Пекин крайне озабочен тем, что же в самом деле скрывается за планами Вашингтона.

Россия фигурирует в аргументации сторонников НПРО, главным образом, в качестве источника единичных случайных или несанкционированных запусков, с которыми система ПРО сможет справиться даже после реализации первого этапа развертывания. Тем не менее, учитывая общий стратегический контекст, в котором будут воплощаться планы НПРО, Россия может иметь больше шансов оказаться мишенью для этой системы, чем кажется сейчас.

Для продвижения идеи развертывания НПРО не важно, что заложено в одностороннем понимании национальной безопасности. Национальная безопасность не должна служить общему благу, ее целью является поддержание спокойствия и защита более широких интересов какого-либо народа. Поскольку система международных отношений построена на принципах конкуренции, наибольшая безопасность достигается путем ликвидации всех возможных угроз со стороны противника и достижения оптимальной свободы действий. Анализ различных речей республиканских сенаторов и документов военного планирования Пентагона дает ясное подтверждение тому, что оборонная политика США направлена именно на это. Не случайно, например, что в стратегических оценках

американских ВВС появился термин «превосходство по всему спектру действий».

Эта точка зрения отражает полное игнорирование идей совместной или коллективной безопасности, которые лежат в основе двух других концепций. Многосторонние и двусторонние соглашения в области контроля над вооружениями и разоружения приемлемы, если они повышают возможности достижения превосходства, помогают его сохранить или, по крайней мере, ничего не меняют с этой точки зрения. Как только свобода действий начинает ограничиваться, контроль над вооружениями становится неприемлемым.

Позиция Западной Европы: аспекты контроля над вооружениями

Именно здесь и начинается озабоченность Западной Европы планами США. Европейцы всегда рассматривали многосторонние меры в качестве необходимого компонента политики в области безопасности. Возможно, включение европейских стран в две многосторонние структуры (НАТО и Европейский союз) с высокой степенью взаимодействия привело к трансформации их индивидуальных представлений о безопасности и смене парадигм мышления, в отличие от *одинокого лидера* Западного лагеря. Другими словами, европейская философия безопасности сродни первому подходу к НПРО, обсуждавшемуся выше. Понятно, что Западная Европа, главным образом, опасается краха всей системы соглашений по контролю над вооружениями и разоружению из-за реализации американских планов по ПРО. Кроме того, в Европе отдают себе отчет в том, что трехступенчатый план НПРО, предлагаемый сегодня США, станет началом процесса создания и развертывания ПРО, а отнюдь не приведет к его завершению.

Есть надежда, что США и Россия смогут прийти к согласию по вопросу о необходимости модификации договора по ПРО. Было бы преувеличением сказать, что шансы такого соглашения велики. Если этого не произойдет, то по прогнозам западноевропейских стран, Россия снова начнет устанавливать разделяющиеся головные части (РГЧ) на ракеты *Тополь*, являющиеся основой ее потенциала сдерживания и представляющие новое поколение вооружений. Это сведет на нет одно из фундаментальных положений СНВ-2. В столицах западноевропейских государств с большим интересом наблюдали за спором между министром обороны Игорем Сергеевым

и начальником Генерального штаба Анатолием Квашниным. Общим выводом стало, что стратегические силы России движутся в сторону значительного сокращения. Хотя в настоящий момент президент Владимир Путин похоже выбрал компромиссный вариант между предложениями Игоря Сергеева и Анатолия Квашнина, с интересом отмечается общий курс на минимальное сдерживание. Что вкладывается в понятие *минимальное*, будет зависеть от судьбы договора по ПРО и от того, будет ли по-прежнему запрещено развертывание НПРО США. Очевидным российским ответом на американские планы в условиях перехода России к количественному сокращению своего ядерного арсенала станет размещение РГЧ, поддержание арсенала в высокой степени боевой готовности и следование концепции ответно-встречного удара. Это не только означало бы нежелательный возврат к более нестабильной доктрине, не только бы заставило Россию выйти из СНВ-2 (или в ответ на усилия США по договору по ПРО потребовать модификации СНВ-2), но также установило бы новые потолки для переговорного процесса по СНВ-3. Развертывание НПРО вынудило бы российских военных пересмотреть количественные показатели, необходимые для обеспечения выживаемости и эффективности арсенала сдерживания.

Это главная проблема для Европы в области контроля над вооружениями. Ее гораздо в меньшей степени волнуют предположения о возможном выходе России из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД). И на самом деле, эти угрозы работают против российских интересов. Оппозиция в Европе по вопросу о ПРО практически едина и довольно сильна (если измерять ее по традиционным натовским стандартам) на фоне консенсуса по поводу продолжения программы, сложившегося в США. Угроза выйти из договора по РСМД, очень важного и дорогого сердцу европейцев, не только не укрепит их оппозицию планам США, а напротив, заставит их объединиться вокруг лидера альянса в поисках защиты. Эффект будет схож с теми последствиями, к которым привела грозная риторика министра иностранных дел СССР Андрея Громыко в начале восьмидесятых годов, когда возник спор о ракетах средней дальности в Европе. Хотя его громкие заявления вызвали серьезную озабоченность противников размещения ядерного оружия в Европе, они лишь укрепили веру сомневавшихся членов

НАТО в необходимости развертывания американских ракет. В данном случае, за исключением двух стран, непосредственно вовлеченных в планы НПРО (см. далее), население Европы будет довольно трудно на что-то мобилизовать. Поэтому было бы неосмотрительно со стороны России затрагивать проблемы РСМД.

Роль тактических систем ПРО

Китайский аспект не так часто затрагивается в ходе европейских дебатов, поскольку дискуссия слишком уж сконцентрирована на проблемах европейской безопасности. Тем не менее, возможные ответные действия Китая могли бы иметь тяжелые последствия для процесса контроля над вооружениями. До конца не известно, какова направленность китайской программы модернизации ядерных сил. Очевидно, что КНР пытается создать надежный потенциал сдерживания, которого сегодня у Пекина нет. Размер (количество носителей и боеголовок) и структуру (с РГЧ или без РГЧ) обновленных сил выяснить пока невозможно. Мы даже не знаем, представляет ли себе китайское руководство конечный результат такой модернизации. После развертывания американской НПРО, как можно предположить, ядерные силы Китая будут двигаться в сторону увеличения, а не сокращения и будут с большой долей вероятности нести РГЧ. Если программа модернизации будет идти нарастающими темпами, это неизбежно заденет планы Индии, а затем и Пакистана. Неизвестно еще, не отразится ли это на военных планах России. Несмотря на сближение Москвы и Пекина, в их отношениях еще остается место для сдерживания, так же, как между Москвой и Вашингтоном. Если китайский ядерный арсенал увеличится больше, чем ожидалось, российские военные могут пожелать пересмотреть свое видение *минимального* сдерживания в новых условиях.

Еще меньше внимания уделяется озабоченности Китая по поводу систем ПРО театра военных действий (ТВД). Есть несколько причин такого поведения. *Во-первых*, интересы европейской безопасности сосредоточены в Европе и прилегающих регионах. Восточная Азия находится далеко и рассматривается, главным образом, с экономической, а не с военной точки зрения.

Во-вторых, европейские оборонные ведомства заинтересованы в развитии ПРО ТВД в отличие от стратегических систем ПРО. На сегодняшний день правительства этих стран

смириться с возможностью проведения операций вне национальной территории для осуществления миротворческой деятельности, принуждения к миру и гуманитарного вмешательства (хотя и с разной степенью согласия на то, чтобы проводить эти операции лишь по мандату ООН). Таким образом, есть вероятность, что их силы будут развернуты в регионах, где баллистические ракеты малого радиуса действия представляют серьезную угрозу. Военные заинтересованы в том, чтобы нейтрализовать эти риски с помощью мобильных оборонительных систем. Некоторые европейские государства исследуют возможности создания таких комплексов и закупки у США комплекса РАС-3, обладающего улучшенными характеристиками для противодействия ракетам малой дальности. Следует также учитывать, что страны на юге и юго-западе Европы находятся сегодня в зоне досягаемости таких ракет, которыми обладают неевропейские государства. Их заинтересованность в ПРО ТВД еще выше, чем у тех стран, которые расположены в более безопасных северной и северо-западной частях континента.

В-третьих, европейцы мало уделяют внимания проблемам тактических ПРО, поскольку эта проблема не стоит так остро в отношениях России и Запада. Президент Владимир Путин сам предложил сотрудничество в этой области, и очевидно, что Россия может быть заинтересована в создании оборонительной системы для защиты от тактических ракет, размещенных вдоль ее границ. Российский фактор учитывается европейцами больше, чем китайский, поэтому Западной Европе не приходится слишком заботиться о китайском аспекте проблемы ПРО.

Сдерживание: взгляд из Европы

Один из аргументов, который можно часто услышать в европейской дискуссии по ПРО, это то, что расширенное сдерживание, обеспечиваемое Вашингтоном для его европейских союзников, может быть ослаблено за счет появления зон с неравной безопасностью внутри альянса. США будут защищены своей НПРО, а европейцы останутся беззащитными. Хавьер Солана, отвечающий в Европейском союзе за общую внешнюю и оборонную политику, неоднократно упоминал об этом. Разумеется, что данные рассуждения строятся на вере в сохраняющуюся адекватность расширенного сдерживания и НПРО во времена, когда нет

явных угроз, требующих ядерного ответа. Ни одна из этих предпосылок не является бесспорной. Тем не менее, неубедительно звучит аргумент о том, что гарантии США будут ослаблены, если сам гарант станет менее уязвим для противника. Кроме того, все 40 лет существования ядерной стратегии НАТО шел постоянный спор о том, как уязвимость США может сказаться на сдерживании, и проблематика расширенного сдерживания сводилась к вопросу о том, пожертвуют ли США Нью-Йорком ради Гамбурга. Другими словами, расширенное сдерживание должно стать еще более прочным, если США будут подвергаться меньшему риску при обеспечении ядерного зонтика.

Есть и обратная сторона медали. Геополитические интересы США и Европы не идентичны. Есть много сходств, но есть и различия. Существует разное отношение к конфликту на Ближнем Востоке и, например, к Ирану: европейцы выступают за конструктивный диалог, а США занимают более скептическую и конфронтационную позицию. Если США будут защищены от военных угроз, а Европа нет, США могут не устоять перед соблазнам проводить конфронтационную политику вопреки мнению европейцев. Последним, однако, придется расплачиваться за это, поскольку они являются союзниками и могут оказаться в досягаемости для баллистических ракет противников США. В этом смысле, неодинаковая безопасность, действительно, создает риск для Европы и для единства Североатлантического альянса.

Безусловно, два европейских ядерных государства имеют дополнительные опасения по поводу планов США в области ПРО. Они боятся, что в долгосрочной перспективе ответные меры России и Китая лишат их собственных и без того небольших возможностей сдерживания. Конечно, учитывая асимметрию в ресурсах, России и Китаю может потребоваться много времени для развертывания своих НПРО аналогичных американской. Тем не менее, поскольку договор по ПРО окажется на *свалке истории*, *Дамоклов меч* российской и китайской НПРО будет вечно висеть над английским и французским ядерными арсеналами.

Кроме того, переход от баланса наступательных ядерных вооружений к балансу оборонительных, чего не предполагает большинство сторонников ПРО в США, может привести к непреднамеренной

делегитимации ядерного оружия вообще (кстати, на это надеется вторая группа экспертов, рассматривающая ПРО как инструмент перехода к безъядерному миру). Французским и британским ядерным стратегам будет трудно объяснить необходимость ядерного сдерживания при отсутствии четкой и реалистичной угрозы. Им не нужна дополнительная нагрузка в виде дебатов, в которых будут доминировать оборонческие настроения.

Европейские государства, вовлеченные в первую фазу НПРО

Два европейских государства несут особую ответственность перед миром в свете американских планов ПРО: Великобритания и Дания. Модернизация радаров в Файлингдейлз и Туле считается необходимым условием для реализации первого этапа развертывания НПРО. США уже начали предпринимать меры, чтобы убедить эти два государства последовать желаниям Вашингтона.

Великобритания традиционно находится в очень близких отношениях с США. Даже несмотря на повышенное стремление лейбористов сделать Великобританию настоящей европейской державой и их намерение всерьез идентифицировать себя с Европой с точки зрения восприятия угроз безопасности, *особые отношения* с США все еще остаются важным элементом британской политики. Правительство, которое попыталось бы поставить под угрозу эти отношения, подверглось бы серьезной критике внутри Великобритании за то, что оно рискует одним из основных достижений XX века. Однако в английском правительстве есть стойкое убеждение (хотя не все его разделяют), что НПРО не будет отвечать интересам Великобритании. Часть руководителей военного ведомства поддерживает планы США и те оценки угроз, которые стоят за этими планами, другие полагают, что, каковы бы ни были достоинства программы, главной является необходимость сохранения особых отношений с США, а это, мол, перевесит все негативные последствия развертывания НПРО для британского правительства. Министерство иностранных дел и премьер-министр более критично настроены по отношению к НПРО, но хотят как можно дольше уклоняться от принятия трудного решения о начале работ на Файлингдейлз. Они очень надеются, что России и США удастся достичь соглашения, которое сделало бы модернизацию РЛС в Файлингдейлз более привлекательной для России и спасло бы британское правительство

от вовлечения в процесс разрушения договора по ПРО. Некоторые лейбористские стратеги боятся, что это может привести к возрождению движения за разоружение, как в начале восьмидесятых годов. Массовые антиправительственные демонстрации сторонников разоружения вряд ли пришлось бы по вкусу премьер-министру в год проведения выборов.

В Дании ситуация схожая, если не сложнее. Гренландия обладает автономией и правом самоуправления, за исключением внешней и оборонной политики. До сих пор еще вспоминают о ядерных бомбах, случайно потерянных на острове в шестидесятые годы, и более свежих случаях, когда вопреки гарантиям датского правительства, американское ядерное оружие многие годы хранилось на базе в Туле. Американская база – это не самый популярный объект в Гренландии. Жители острова, похоже, в большинстве своем выступают против вовлечения в программу, которая окажет разрушительное воздействие на процесс контроля над вооружениями и ядерного разоружения. Если датское правительство даст согласие на планы США, то можно ожидать раскола между Данией и Гренландией, массовых протестов на острове и, возможно, движения в сторону полного отделения.

С одной стороны, Дания – это одна из наиболее явных стран-атлантистов в НАТО, что редко замечают сторонние наблюдатели. Политическая элита Дании и население страны высоко ценят связи с США и вряд ли согласятся принять решения, которые поставили бы эти отношения под угрозу. *С другой стороны*, датчане поддерживают процесс контроля над вооружениями и разоружения. Таким образом, Копенгаген оказывается на распутье, подобно русским богатырям, и выйти из этого тупика ему будет сложно, если Россия и США не придут к соглашению и Вашингтон продолжит свою программу ПРО.

Европейская дилемма

Проблемы Дании и Великобритании представляют собой гипертрофированный вариант дилеммы, с которой сталкиваются все европейские государства. Это принципиальная разница между тем, как они привыкли строить отношения безопасности (взгляды первой группы экспертов), и теми посылками, на которых строится американская концепция (третий подход к НПРО). Если трезво посмотреть на эти различия, то создается

впечатление, что преодолеть их нельзя (как это было до 1985 года при оценках европейской безопасности во времена конфликта между Востоком и Западом). Тем не менее, идеал многостороннего взаимодействия, в реализацию которого европейцы вложили столько усилий, включает в качестве неотъемлемого элемента и трансатлантические связи с США. Практически невозможно найти способ преодолеть эти разногласия или пойти по одному из путей, не слишком затрагивая второй. Второй тип аргументации – соглашение между Россией и США, открывающее дорогу к безъядерному миру с господством оборонительных вооружений, – дает надежду оттянуть момент истины; это сиюминутная возможность выйти из неприятной ситуации и избежать нежелательных решений. Однако он вряд ли может рассматриваться в качестве жизнеспособной и долгосрочной стратегии.

То, что Европа ощущает эту дилемму, показывают некоторые обстоятельства. К постоянной критике со стороны Франции в отношении американских планов в области обороны и безопасности уже привыкли, и она не нова. Но настораживает, что канцлер Германии воспользовался случаем при вручении президенту Биллу Клинтону премии Шарлемана в Аахене в 2000 году и в своей речи обратил внимание на серьезную озабоченность, которую вызывает у Германии программа ПРО США. Это было, даже с точки зрения протокола, весьма необычно. А то, с какой беспрецедентной критикой американской НПРО выступила в своем докладе специальная комиссия, созданная при комитете по иностранным делам британской Палаты общин, еще раз доказывает, что эта проблема очень серьезно воспринимается как на континенте, так и на Альбионе. Европейцы зашли в тупик со своей дилеммой: они озвучили свои опасения, но не нашли выхода из ситуации, и им еще предстоит его найти. ■

Вышли в свет в августе–ноябре 2000 года

- *Вопросы Безопасности. Аналитический бюллетень для руководителей. №18.* Сентябрь 2000. В номере: «Формирование Государственного Совета России: бюрократический зигзаг или начало политического кризиса», «Что стоит за инициативой Путина?», «Россия и проблематика конфликтных алмазов» и др. (на русском и английском языках). Цена 700 руб.
- *Вопросы Безопасности. Аналитический бюллетень для руководителей. №19.* Октябрь 2000. В номере: «Принятие федерального бюджета на 2001 год: скрытый подтекст», «Россия на Балканах: прошлые неудачи, перспективные возможности» и др. (на русском и английском языках). Цена 700 руб.
- *Вопросы Безопасности. Аналитический бюллетень для руководителей. №20.* Октябрь 2000. В номере: «Соглашение в Астане – новый импульс интеграции в СНГ или еще один фантом?», «О российско-иранском сотрудничестве в чувствительных сферах», «К оценке позиции России в отношении ядерных программ Северной Кореи и Ирана», «Россия и ближневосточное урегулирование» и др. (на русском и английском языках). Цена 700 руб.
- *Вопросы Безопасности. Аналитический бюллетень для руководителей. №21.* Ноябрь 2000. В номере: «Европейская политика России в свете визита Владимира Путина в Париж», «Россия продолжит жестко отстаивать договор по ПРО», «О перспективах иракского урегулирования» и др. (на русском и английском языках). Цена 700 руб.

См. также с.24, 29, 41